

ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кравченко А. В.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5777-8794>

Челябинск, Россия

E-mail: Alenka_miass.26@mail.ru

УДК 821.161.1-32(Лесков Н. С.)

DOI 10.26170/ufv20-03-05

ИЗ «НИЧТОЖНОСТИ» К ПРАВЕДНИЧЕСТВУ (ПО РАССКАЗУ Н. С. ЛЕСКОВА «ПИГМЕЙ» ИЗ ЦИКЛА О ПРАВЕДНИКАХ)

Аннотация. В статье рассматриваются пути восхождения простого, «ничтожного» героя Н. С. Лескова к праведничеству. Читая его произведения, проникаешь душой в ситуацию героев, простых людей, наших соотечественников, живших много лет назад. От них веет теплотой и светом, так душевно прописаны образы языком, уже ставшим далеким и к сожалению, все более и более отдаляющимся. Этот язык красив, насыщен фольклором. Парадоксы русского национального характера, осознание писателем особенностей характера русского человека, его внутренних мотивировок поведения, его понимание долга, исторических законов и того внутреннего нравственного выбора, который раскрывается неожиданно, в борьбе противоречий натуры — все это становится предметом анализа рассказа Н. С. Лескова «Пигмей». Глубинный смысл рассказа «Пигмей» заключается в том, что любое доброе дело может повлечь за собой череду непредсказуемых событий.

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные сюжеты; литературные жанры; рассказы; литературные герои; праведники; пигмеи; маленький человек.

Kravchenko A. V.

Chelyabinsk, Russia

FROM “INSIGNIFICANCE” TO RIGHTEOUSNESS (BY STORY OF N. S. LESKOV “PIGMEJ” (PYGMY) FROM THE CYCLE ABOUT THE RIGHTEOUS)

Annotation. The article deals with the ways of ascent of the simple, “insignificant” hero N. S. Leskov to righteousness. Reading his art works, we get into the situation of heroes, ordinary people, and our compatriots who lived many years ago. They radiate warmth and light, so mentally spelled out images in a language that has already become distant and, unfortunately, more and more distant. This language is beautiful, but at the same time it is difficult to understand its folk folklore. Russian national character paradoxes, the writer’s awareness of the peculiarities of the character of the Russian person, his internal motivations of behavior, his understanding of duty, historical laws, and the internal moral choice that is revealed unexpectedly, in the struggle of contradictions of nature—all this becomes the subject of analysis of the story “Pygmy” by N. S. Leskov. The meaning hidden in the story “Pygmy” implies that any good deed can lead to a series of unpredictable events.

Keywords: Russian writers; literary creativity; literary plots; literary genres; stories; literary heroes; the righteous; pygmies; small man.

Тип героя-праведника — это необычная разновидность положительного героя, образ которого выделяют в произведениях Лескова исследователи. У И. С. Тургенева есть «лишние люди», есть в русской литературе «нигилисты», или «новые люди», «маленький человек». Герои-праведники появляются в русской литературе именно в тот момент, «когда героя в русской литературе объективно нет и быть не может, появляются для того, чтобы самим фактом своего существования подчеркнуть особенность этой эпохальной литературной ситуации» [Швецова 2017: 233].

Обратимся к определениям понятия «праведник», которое дает В. И. Даль в толковом словаре живого великорусского языка (используем этот словарь, как наиболее приближенный ко времени создания произведений Лескова): «Праведник — праведно живущий; во всём по закону Божью поступающий, безгрешник» [Лесков 1989: 34]. Двойственную природу слова «праведник» отмечает Г. А. Ко-

рых, которая пишет: «Понятие “праведник” как производное от слова “правда” характеризуется семантической многозначностью. Первое значение знаменуется социально-правовой коннотацией, когда слово “правда” синонимически отождествляется со справедливостью, честностью, законностью, а “праведник” — с таким понятием, как “человек ищущий правду, справедливость”. Другое значение <...> погружено в сферу идеальных представлений человека об истине, о “святой правде”. Во втором значении синонимом слова “праведник” выступает слово “святой”, “носитель идеи святости”...» [Лесков 1989: 35]. Оба этих значения оказываются важны в смысловом контексте произведений Н. С. Лескова.

В «праведническом» цикле, как пишет А. А. Горелов, писатель пытается создать образ «положительного человека», который отразил бы «дорогие ему — укорененные в народной почве и то и дело возобновляемые процессом исторического жизнетворения — проявления вечной демократической, наивно-христианской морали», находящую своё отражение и «в самой реликтовости, юродивости, нелепости физического облика многих носителей этой морали её ограниченность, силу, неистребимость» [Горелов 1988: 233]. Лесков ставит своей целью не только изображение положительного человека, но и «тщательный, предельно приближенный к самой жизни, поиск и художественно-эстетическое отображение дифференциальных имманентных свойств русского человека» [Косых 1870: 6].

Праведник в концепции Н. С. Лескова свободен от царящих вокруг мнений, поэтому его поступки обусловлены принципом деятельной любви и отказом от духовной привилегированности и мирского признания. Поведение праведников Н. С. Лескова и совершаемые ими поступки характеризуют их отношение к миру в целом, а также проявляют их сопричастность божественному пространству. При этом важнейшим мирозерцательным началом для писателя является идея деятельного и самоотверженного добра. В целом можно говорить о том, что понятия «праведничество» и «поступок праведника» для Н. С. Лескова имеют прежде всего этическую наполненность и позволяют проявить ценностные ориентиры в концепции писателя.

Герои праведнического склада встречаются как в самых ранних, так и в поздних произведениях писателя. В цикл «Праведники» Н. С. Лесков в 1889 году включил 10 рассказов: «Одному», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Русский демократ в Польше»,

«Несмертельный Голован», «Инженеры бессребреники», «Левша», «Человек на часах», «Очарованный странник», «Шерамур». Но исследователи правомерно относят к числу праведников и героев других его произведений.

«Пигмей» — второй рассказ сборника, при первой публикации имел название «Три добрых дела. Из былого». Обращаясь к этому рассказу Н. С. Лескова из цикла «Три праведника и один Шерамур», в первую очередь, мы заметим, что в нем вводится новый рассказчик, некий «пожилой и весьма почтенный человек», который делится историей, рассказанной ему героем пигмеем, в «скромном кружке» собеседников в ситуации «устного рассказа», столь характерного для поэтики Н. С. Лескова.

По сути, это история человека, прошедшего путь из «ничтожества» к праведничеству.

Проанализируем, какими средствами создаётся образ героя в рассказе. Мы не будем давать подробного анализа речи героя, отметим лишь, что она оказывается сильно индивидуализирована, изобилует фразеологизмами, пословицами («да и дело с концом»), «как сидорову козу лупили», «суд знает за что карает», «на горе свое», «два дурака вместе собрались»). Стилистически это преимущественно разговорная речь, насыщенная просторечиями: «этакий» (простореч.), «поганец» (простореч., презрит., бран.), «таки» (разг.), топыриться (простореч.) и др. Подобная характеристика речи позволяет определить сознание героя как сознание человека из народа.

Герой постоянно именуется «пигмеем», это слово вынесено и в главие рассказа. В толковом словаре Ф. Ф. Ушакова находим объяснение этого слова: «пигмей» — человек крошечного роста, ничтожный человек [Ушаков? Лесков 1989: 34]. По отношению к персонажу применяется второе значение слова. Это поименование простого, «маленького человека» мы впервые слышим из уст рассказчика: «...я сейчас еще знаю у нас в губернии одного старичка, самого мелкопоместного дворянина, настоящего пигмея, который никогда в жизни не играл никакой значительной роли...» [Лесков 1989: 34]. «Пигмеем» именуется себя и сам герой, внося оттенок негативной, уничижительной коннотации: «что же я, пигмей, могу ему сделать?» [Лесков 1989: 36] «Незначительность» героя постоянно подчёркивается.

Например, в речи рассказчика «незначительность» постоянно актуализируется: «самый маленький человек», «не играл никакой значительной роли», «[служил] на самом ничтожном месте» (здесь

в слово вкладывается и другой смысл, т. к. герой был распорядителем публичных телесных наказаний, т. е. «ничтожил» людей»). В речи самого персонажа должность указана как «маленький полицейский исполнительный чиновник», он не наделён именем, нам не даётся его портрет. Так же, как и в «Однодуме», писатель выносит в заглавие одну из характеристик героя, тем самым эта самая «незначительность» героя оказывается в сильной позиции текста [Лесков 1989: 34].

Герой рассказа «Пигмей» скорее является противоположностью Рыжова из рассказа Н. С. Лескова «Однодум». Последний, не отступающий от своих твёрдых убеждений, бесстрашен перед властью, подотчётен только Богу. В то время, как второй — неуверенный, трепещущий перед сильными мира сего пигмей.

Автор ставит своего героя в ситуацию нравственного выбора между его пониманием долга, верности отечеству и внутренним голосом его совести за высшую правду. Он считает, что им руководило что-то свыше. «И вдруг жаль мне его стало», «..а самому мне в ухо вдруг что-то шептать начало: “расспроси его, расспроси, послушай, да заступись”» [Лесков 1989: 36]. «А во лбу так-таки вот и стоит, что это напраслина и ужасная напраслина (неправедный приговор французу, *прим. А. В. Кравченко*) ...» [Лесков 1989: 35], «видно Богу так угодно, чтобы я сюда сунулся. И, вообразите себе, я, действительно, в то время так чувствовал, что это богу угодно совершить то, что я делаю», «...с этих-то пор я уже словно не сам собою управлял, а начало мною орудовать какое-то вдохновение: я задумал измену» [Лесков 1989: 37].

Герой даже спустя годы не осознаёт значительность своего поступка, изменений в его сознании не происходит, это становится ясно из того факта, что, повествуя о произошедших с ним событиях, он так оценивает свои действия: «Но вот раз с ним случилось такое событие, что он сам себе изменил и, по собственным его словам, вместо того, чтобы благоразумно долг свой исполнить — наделал глупостей» [Лесков 1989: 34].

События рассказа также оказываются отнесенными к прошедшим временам, причём относятся они к конкретному 1853 г., с которым связан определённый исторический контекст. Значимость этого контекста (по отношению к поступку героя) подчёркивается рассказчиком: «Событие это произошло в 1853 г., когда русские отношения к Франции были очень натянуты и в столице сильно уже поговаривали о возможности решительного разрыва». Подобная политическая ситуация добавляет остроту поступку героя.

В сознании героя его поступок трактуется как измена царю, он постоянно называет себя изменником: «а там для нас, изменников, обители многи суть», «мой царь, да я, — его изменник». Вместе со страхом он испытывает и другое чувство: «А и страшно, и словно благодать какая в душе».

Действия рассказа происходят во времена правления Николая I. Образ императора в сознании пигмея имеет сакральный характер, на это указывают такие детали: «чьею рукою имя-то мое написано и “благодарю-то” это священное для меня выведено, и вспомнил, чей это почерк...» [Лесков 1886: 79], «А я эти полторы тысячи-то, которые мне как с неба упали...», «...Николай Павлович умер, и я ему к его гробу ночью свое “благодарю” ходил сказывать за то, про что мы с ним двое только из всех русских знали: он, мой царь, да я, — его изменник».

Для героя царь априори является справедливым, для Лескова эта аллюзия важна, как демонстрация некоего идеала власти, для которой христианские нравственные ценности стоят превыше всего. Реализация подобного идеала происходит в рассказе: Николай I отменяет несправедливое решение и благодарит человека, указавшего ему на неё.

В тексте дважды воспроизводится ситуация подаяния, первый раз от царя, а второй от маленькой дочки спасённого француза. Сравним то, как они описываются. «Бросился я, как был, в халате к двери, смотрю — курьер стоит с этакою солидною рожею, каких нарочно по осторожным делам посылают, и подает мне молча пакет» [Лесков 1886: 79]. Как видно, вид посыльного вызывает неприятное чувство у героя.

А вот так описывается вторая ситуация: «И вдруг решетчатая калиточка хлопнула и ко мне подпорхнула милая, как ангелок, девочка, <...> и не успел опомниться, как она мне сунула в руку, франк, проговорила: “о ном де Жезю”, <...> вроде нашего: “прими, Христа ради” и скрылась» [Лесков 1886: 80]. Используются уменьшительно-ласкательные суффиксы, девочка сравнивается с ангелом — (др.-греч. ἄγγελος, ангелос — «вестник, посланец» — посланник Божий), и подаёт она «Христа ради».

Таким образом, действие можно воспринимать, как благодарность Бога за совершённое доброе дело. Несмотря на контрастность описаний, нельзя сказать, что ситуации полностью противопоставлены.

Само же послание от Николая I пигмей принимает со слезами благодарности: «Ну, тут я на пакет то этот глянул, чьей рукою имя-то мое написано и “благодарю-то” это священное для меня выведено, и вспомнил, чей это почерк... да уж зато тут-то уже я себе и дал волю: <...> этак я сладко вырыдался, что мое вам почтение» [Лесков 1886: 85]. Подобную же реакцию вызывает подаяние девочки: «я, как назад в свой номеришка ехал, уже сам себе изменил: опять в третий раз всю дорогу сладко-пресладко плакал».

Завершается же рассказ такими словами из оды Г. Р. Державина «К Фелице»: «Почувствовать добра приятство // Такое есть души богатство, // Какого Крез не собирал. Как же за эти незаслуженные ощущения Бога хоть слезою не поблагодарить!». Мотив слёз повторяется трижды.

В рассказе «Пигмей» Н. С. Лескову важно показать, что даже маленький человек, «ничтожный» по роду деятельности, экзекутор, палач, способен совершить богоугодный поступок. Для писателя очень важны неожиданные, порой парадоксальные душевные порывы его «ничтожных», «мелкотравчатых» героев. Через всю жизнь его пигмей пронес память об этом неожиданном спасении совершенно чужого ему человека, да еще француза, тайну спасения которого никому не рассказал. Парадоксальным образом эта тайна спасения связана с изменой отечеству, императору Николаю I, что тоже становится предметом его глубоких переживаний. Таким образом, главным для Н. С. Лескова в человеке является его способность, вопреки роду деятельности, вопреки его представлениям о долге в тех исторических условиях, неожиданно для самого себя, в борьбе с самим собой, к восхождению к божественной истине. Чувство благодати испытывает герой-праведник, но он еще и наделяет этой способностью к благодати императора Николая I. В этом уникальность сознания простого русского человека — соединять несправедливую, а потому несправедливую, историческую реальность с божественным миропорядком, который априори несет праведную, а значит, справедливую форму жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т. А. Поэтика повествования в рассказах Н. С. Лескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 1996.

Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988. с. 233–234.

Косых Г. А. Праведность и праведники в творчестве Н. С. Лескова 1870-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Волгоград, 1999.

Лесков Н. С. Три праведника и один Шерамур/Н. С. Лесков Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1886. с. 79–86.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, Т. 2., 1989.

Лукьянчикова Н. В. Трансформация агиографической традиции в произведениях Н. С. Лескова «о праведниках»: автореф. дис. на канд. филол. наук: Ярославль, 2004.

Михеева И. Н. Художественная модель мира в цикле Н. С. Лескова «Праведники»: аксиология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2010.

Михайлова А. А. Герои «Кадетского монастыря». (О прототипах и судьбах). Неизданный Лесков, Кн. 1, М.: «Наследие», 1997. с. 658–646.

Мотейунайте И. В. Поиски «цельного человека» в хрониках Н. С. Лескова «Соборяне», «Захудалый род» и дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах». Псков: ПГПИ. 2004.

Швецова Т. В. Поступок героя-праведника в цикле Н. С. Лескова. Москва, 2017. 233 с.

REFERENCES

Alekseeva T. A. Poetics of narration in the stories of N. S. Leskov: author. dis. Cand. filol. Sciences: M., 1996. p. 6.

Gorelov A. A. N. S. Leskov and folk culture. L.: Nauka, 1988. p. 233–234.

Kosykh G. A. Righteousness and the Righteous in the Work of N. S. Leskov of the 1870s: Author. dis. Cand. filol. Sciences: Volgograd, 1999. p. 6.

Leskov N. S. Collected Works: In 12 vols. M.: Pravda, T. 2, 1989. p. 34.

Leskov N. S. Three righteous and one Sheramur/N. S. Leskov St. Petersburg: type. A. S. Suvorin, 1886. p. 79–86.

Lukyanchikova N. V. Transformation of the hagiographic tradition in the works of N. S. Leskov “On the Righteous”: author. dis. for cand. filol. sciences: Yaroslavl, 2004.

Mikhailova A. A. Heroes of the “Cadet Monastery”. (About prototypes and fates). The Unreleased Leskov, Prince. 1, M.: “Heritage”, 1997. p. 658–646.

Mikheeva I. N. Artistic model of the world in the cycle N. S. Leskova “The Righteous”: axiology and poetics: abstract. dis. cand. philol. sciences. Kirov, 2010.

Moteyunayte I. V. Searches for the “whole man” in N. S. Leskov’s chronicles “Soboryans”, “Mean seed” and P. I. Melnikov-Pechersky’s dialogues “In the Woods”, “On the Mountains”. Pskov: PSPI. 2004.

Shvetsova T. V. The action of the hero-preacher in the cycle N. S. Leskov. Moscow, 2017. p. 233.

Науч. руководитель: Поздина И. В. кандидат филологических наук, доцент.

Данные об авторе

Кравченко Алена Валерьевна — студент 3 курса факультета филологии, специальности «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки: русский язык и литература)» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Адрес: 454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69.

E-mail: Alenka_miass.26@mail.ru

Author’s information

Kravchenko Alena Valerevna — 3rd year student of the Faculty of Philology, specialty “Pedagogical education”, the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University.